

Честный детектив
Татьяна Иванова

МАРИНА СЕРОВА

Нежный
убийца

5

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Нежный убийца

«Научная книга»

1999

Серова М. С.

Нежный убийца / М. С. Серова — «Научная книга»,
1999 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

Спортсмена Сашу Ветрова нашли замерзшим на канатной дороге. Следствие констатирует несчастный случай. Три месяца спустя мать получает письмо от... сына, содержащее намеки на убийцу. Женщина просит помощи у частного детектива Татьяны Ивановой, но через несколько дней после обращения умирает от разрыва сердца. Кто следующая жертва? Ею едва не оказалась сама Татьяна, идущая по следу убийц...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Марина СЕРОВА

НЕЖНЫЙ УБИЙЦА

Глава 1

Солнце слепило нещадно. Было трудно дышать. Я пыталась снять шубу, в которую почему-то была одета. Ее пушистый воротник неприятно липнул к шее. Задыхаясь, из последних сил рванула пуговицы... Рука больно стукнулась о поднос, стоящий на журнальном столике у дивана...

Я открыла глаза. Первое, что восприняло мое еще довольно затуманенное сознание, было пушистое существо, сидевшее на диванной подушке. Оно нахально и вопрошающе взирало на меня. Это рыжее безобразие его хозяева – мои соседи по лестничной площадке – ласково именovali Марсиком, вероятно, в честь грозного бога войны Марса. Видать, за огненный колер его шубы.

Увидев, что я наконец проснулась, Марсик мяукнул и шевельнул хвостом. Кисточка его, описав полукруг, коснулась моей шеи, вновь вызвав внутри неприятные ощущения. Повиливание мягкого лохматого опахла скорее всего и явилось причиной столь дурного сна. Шуба! В такую жару! Бр-р-р... По моему раскидавшемуся от жары потному телу пробежала легкая дрожь.

Скосив глаза на будильник, я мысленно послала Марсика ко всем чертям: пятнадцать минут шестого. Если считать, что часов до трех я искала прохладный уголок в квартире, выбирая между диваном, кроватью и полом, то не столь уже сложно подсчитать, сколько времени мне удалось проспать.

«Мерзавец», – вновь мысленно обозвала я Марсика. Бог знает который уже раз испытываю на себе старую мудрость о том, что добро наказуемо. Как это мне могла прийти в голову дурацкая мысль купить однажды «Кити-кэт» и угостить этого нахала? С той поры, как только он видит дверь моего балкона открытой, немедленно перебегает по карнизу в мою квартиру, требуя угощения.

«Бог войны» вновь нетерпеливо мяукнул. Ему было наплевать на мою бессловесную брань. Ему нужен ранний завтрак. Надо же: и жара для него нипочем! Вчера за весь день я смогла впихнуть в себя из твердых продуктов один лишь бутерброд. Представляю, как жарко этому котяре в его рыжей шубейке. Но аппетит-то, гляди, не портится!

– Ладно, Татьяна, вставай! Все равно не отвяжется, – уже вслух сказала я сама себе.

Да и душ принять не мешает: может, еще удастся поспать. Тем более что торопиться мне абсолютно некуда.

Я медленно-медленно, чтобы не расплескать пульсирующую в голове боль, приняла вертикальное положение. Встала и так же лениво продефилировала на кухню. Найдя в шкафчике початую пачку «Кити-кэт», высыпала ее содержимое прямо на пол. Затем потрясла пустым пакетом перед рыжей мордахой.

– Жри и проваливай! Больше нет. Видишь, кончилась твоя халява!

«А Марсик слушает да ест...» Пожмуривая глаза, он с наслаждением хрустел тунцовыми шариками. «Каков нахал!» – уже не так сердито, а как бы даже с одобрением подумала я.

Еще минуту понаблюдав, как смачно он лопает, я уже размышляла: а не испробовать ли мне на нем «Кити-кэт» с куриной добавкой? Что ни говори, а все же в кошках действительно есть нечто умиротворяющее. Вот и сейчас пушистый вымогатель заразил меня своим аппетитом, и мне тоже захотелось есть.

Я поставила турку с водой на газ, и пока она закипала, решила, не теряя времени, принять душ. Минут пятнадцать, а может, целую вечность я не могла оторваться от спасительных струй, переключая рукоятку смесителя то на горячую, то на холодную воду. Черт с ним, с кофе: вернуть жизнь телу, изнуренному жарой, было важнее.

Пока я раздумывала, обтереться или нет, моя персона высохла, и вопрос отпал сам собой. Да что ж это такое! Не Тарасов, а Сахара!

Я выключила выкипевшую турку и подошла к окну. Сквозь тяжелые темные тучи слабо пробивался рассвет. Собиравшийся со вчерашнего дня дождь так и не собрался. И теперь свинцовые облака висели над городом без движения, усугубляя духоту и влажность. И как это, черт возьми, я не обзавелась своевременно кондиционером?! Правда, такой зверской жары в городе не наблюдалось давно. В фирме, куда я обратилась неделю назад, меня поставили на очередь. Обещали известить, когда прибудет мой заказ прямо из Японии. Вот такой сейчас сервис! А поскольку таких «умных», как я, оказалось довольно много, то остается надеяться, что моя очередь не наступит в ноябре или декабре...

Остатки сна окончательно покинули меня, и я пошла наконец варить кофе. Не сказала бы, что начало дня складывалось удачно. А ведь этот день обещал стать первым днем моей свободы!

Я частный детектив и люблю свою работу. И все же мне нравится, когда очередное дело завершено. Не в последнюю очередь – потому, что «освобождение», как правило, подкрепляется солидным гонораром.

Воспоминание о чеке, полученном вчера от клиента, подняло настроение. Вот и хорошо, лучше думать о приятном. Например: куда поехать отдохнуть? В городе меня задерживала только работа, но теперь дело сделано. Последний раз я отдыхала в Анталии. Это было почти восемь месяцев назад, и все это время мне с тоской вспоминались великолепные пляжи и бесподобный сервис. Однако, по придуманному мной самой закону, никогда не отдыхаю два раза подряд в одном месте. Думаю, с поиском курорта надо поторопиться, пока я окончательно не сварилась в своем родном городе!

Вновь посмотрела в окно. Горизонт прошли далекие всполохи молний. Господи! Наверное, лучше всего опять забраться в ванную!

Но я не успела принять окончательного решения. Нетерпеливая трель дверного звонка разрешила гнетущую тишину. Котенок от неожиданности подпрыгнул и метнулся на балкон. Я инстинктивно посмотрела на часы. Шесть ровно. Не рановато ли для визитов?! Но все же, набросив халат, подошла к двери.

В «глазок» я увидела незнакомую женщину. Она в нерешительности топталась на площадке. Что ей надо от меня в такой час?! Может, просто ошиблась дверью? Звонок повторился.

– Кто там? – в этот вопрос я постаралась вложить все мое недовольство.

– Мне Татьяну Иванову!

Я открыла дверь. Слишком мало людей знают эту квартиру: моя профессия заставляет быть осторожной. И коли эта женщина назвала мое имя – значит, у нее есть рекомендация, внушающая доверие.

Не дожидаясь приглашения, гостья вошла в квартиру. Вернее, влетела. Я даже отпрянула в сторону, не успев испугаться. С минуту мы смотрели друг на друга, не проронив ни слова: она – от волнения, мешавшего ей сосредоточиться, я – от наглости, с которой вторглись в мою «крепость».

– Прошу прощения, что так бесцеремонно врываюсь к вам в столь ранний час... – донеслось до моих ушей давно забытое, интеллигентное.

Ну что... По крайней мере, не бандитка: они так вежливо не разговаривают. Что-то неопределенно хмыкнув, я принялась разглядывать свою раннюю гостью, ожидая продолжения.

Это была женщина лет сорока – сорока пяти, не старше. Довольно высокого роста, очень миловидная. Я даже сказала бы – красивая, если б не болезненный цвет лица и лихорадочный блеск глаз. Говоря, она не переставая жестикулировала. Руки ее были ухоженными, с длинными красивыми пальцами. «Аристократка», – профессионально окрестила я визитершу.

Женщина продолжала говорить бессмысленные слова извинений; руки ее то взметались вверх – поправляя волосы, то опускались вниз – запахивая полы шубки...

Господи! На ней была роскошная шиншиловая шубка! Я не поверила своим глазам. (А что мне еще оставалось?!) Неужели опять сон?.. На секунду зажмурившись, открыла глаза – видение не исчезло! Посмотрела в окно. Слава богу, снега и вьюги тоже не было. Тогда я ущипнула себя за нос – в тщетной надежде проснуться.

Женщина примолкла, наблюдая за моими манипуляциями. Пауза затягивалась.

– Мадам, вам не жарко? Может, снимете шубку и расскажете, что привело вас ко мне в столь ранний час?

Видит бог, я тоже старалась держаться интеллигентно, хотя терпение мое было уже на исходе.

– Нет-нет! – Женщина лишь плотнее запахнула шубку.

«Ненормальная!» – осенило меня вдруг. Конечно, это я от размягчения мозгов не сразу сообразила, в чем дело!

Медленно и осторожно, чтобы не испугать ее, я стала пятиться в глубь комнаты, к телефону, поскольку выход из квартиры был отрезан. Женщина будто прочла мою мысль.

– Нет, не думайте, я не сумасшедшая! А шубу пришлось надеть потому, что у меня отобрали всю одежду.

В подтверждение она распахнула полы шубки. Под ней действительно оказалась только ночная рубашка. К слову сказать, дорогая – явно из бутика.

– Они не могли подумать, что в такую жару я надена шубу, и поэтому не заперли ее. Это подарок мужа на день рождения. Она такая пушистая, что карманы совсем незаметны. Смотрите... – ее руки утонули в меху.

Действительно, карманы были незаметны.

– И вот еще один, внутренний... – Женщина продолжала демонстрировать чудо скорняжного искусства. – Они обыскали все, а шубу – нет! Не догадались... В ней я и спрятала письмо и документы.

– Какие документы? – я попыталась придать разговору хоть какой-то смысл.

– Понимаете, когда дело закрыли, я сама хотела расследовать смерть своего сына. Но они мне не дают это делать. Все время следят, отобрали всю одежду... Лечат меня, постоянно делают уколы. Думают, что я сумасшедшая!

– Кто это «они»?

Женщина ответила не сразу. Я наблюдала за ее нервными движениями. «Не сумасшедшая!» Вломилась к незнакомому человеку в такую жару рекламировать шубку с потайными кармашками.. Нет, я все больше убеждалась в правильности моего первоначального диагноза! И сейчас услышала, что не одинока в своих подозрениях. Оказывается, и ее близкие – туда же! Это уже интересно.

Обладательница великолепной шубы, кажется, опять прочитала мои мысли по глазам. Не слишком ли проницательна для ненормальной?.. В голосе ее звучало отчаяние.

– Вы мне не верите! И вы тоже... Никто не верит! Никто...

Ее голос перешел на трагический шепот.

– А ведь вы были моей последней надеждой, Татьяна. Даже муж, Виктор, который верил мне всю жизнь, – и он не верит. Когда я сказала ему, что получила письмо от Сашеньки, он лишь ответил, что теперь боится потерять и меня. Я и сама последнее время чувствую, что со мной что-то странное творится. Не пойму – что, но у меня постоянная слабость, головокруже-

ние... Поэтому мне не разрешают выходить даже во двор. Моих подруг не пускают навестить меня.

Она перевела дух.

– Я думаю, меня тоже хотят убить. Я даже подозреваю – кто! Но пока у меня нет доказательств. А главное, я не нахожу мотива – зачем? Зачем ей понадобилось убивать Сашеньку, а теперь и меня?.. Ведь она родной мне человек!

Женщина отстранила меня пушистым рукавом, прошла в комнату и опустилась на край дивана. Ее пальцы нежно гладили листочки газетных вырезок, которые она разложила на коленях.

– Я только хотела, чтобы зло было наказано. Чтобы смерть моего мальчика была отмщена.

Чувствовалось, что внезапный порыв отнял у нее последние силы. В голосе уже не было возбуждения – только горечь и обреченность. Она не представляла больше опасности. Во мне заговорил профессионал.

– Можно мне? – я протянула руку.

– Пожалуйста.

– Это вырезки из местной прессы, а где документы?

– Это и есть документы! Вы только посмотрите. В газетах это происшествие освещено по-разному. Мой сын погиб на сборах, в Пятигорске. Наверное, вы тоже читали об этом.

Да, я читала о трагической гибели нашего спортсмена на Кавказе зимой. «Тарасовские вести» описывали случившееся как преступную халатность сторожа фуникулера, который оставил свой пост и ушел в бар развлекаться. Было как раз Рождество. А когда под утро вернулся, то увидел в кабине над самой пропастью человека. Включив канатку и вызвав спасателей, сторож сам бросился на помощь. Но было поздно: парень умер от переохлаждения. Того, кто сыграл с ним эту роковую шутку, найти так и не удалось. Не исключено, что несчастный пытался спуститься по отключенному фуникулеру, да не рассчитал силы. Такое случалось и раньше: приходилось ловить смельчаков-«самоубийц» и наказывать за безрассудство...

Словом, было много вопросов и версий, но доказать ничего не смогли. Наказали сторожа и на том дело закрыли. Так этот спортсмен, стало быть, сын моей незнакомки...

Я вернула ей вырезки.

– Но ведь следствие завершилось. Оно установило, что Александр Ветров стал жертвой несчастного случая. А если бы все расхождения, которыми так грешит пресса, принимались за основу для возбуждения уголовного дела, то вся милиция была бы завалена такими делами по уши. Я думаю, вы пошли по неверному пути. Не стоит верить всему, что пишут газеты.

– Я тоже сначала верила, что он сам виноват. Он всегда любил рисковать. Поэтому и горнолыжником стал. Но потом я получила от него письмо.

– От кого? – не поняла я.

– От Сашеньки.

– Когда он вам его прислал?

– В апреле.

– Через три месяца после смерти?!

– Да! И в нем он изложил свои сомнения. Что ангел на самом деле вовсе не ангел, а демон, понимаете?

Час от часу не легче! Теперь в ход пошли силы рая и ада. Моя собеседница вновь начала волноваться. Мысли ее путались. Надо успокоить ее да попытаться заодно и прояснить ситуацию. Там посмотрим, что из этого выйдет.

– Давайте мы обсудим все спокойно. Не надо нервничать и волноваться. Я вам верю. Кстати, как меня зовут, вы знаете, а как зовут вас?

– Марина. Марина Алексеевна, – поправилась незнакомка.

– Вот и познакомились. Хотите кофе, Марина Алексеевна?

– Нет, если можно, соку.

– Хорошо, сок так сок.

Я поймала себя на том, что разговариваю с ней как с тяжелобольной. Хоть бы она этого не заметила, а не то снова обидится... О том, что будет дальше, я старалась не думать.

Когда вернулась со стаканом апельсинового сока, «документы» уже исчезли. Наверное, вернулись в свои потайные хранилища. Ну и слава богу! Марина сделала только один глоток, и стакан вернулся на журнальный столик.

– Марина Алексеевна, а кто вам дал мой адрес?

– Какая теперь разница... – Женщина все глубже погружалась в депрессию. – За мной сейчас приедут. Уже скоро... Я не смогла вас убедить, и это главное. Теперь мне уже никто не поможет!

– И все же?

– Володя, Сашин одноклассник. И мой ученик, между прочим. Он тоже не верил, что Саша погиб случайно. Я уговорила его найти для меня ваш адрес. Мне про вас давно известно. Давно как-то рассказывали, какой вы хороший сыщик. Мне удалось поговорить с Володей и убедить привезти меня к вам. Но как только мы приехали в город, он тут же позвонил мужу, чтоб тот не волновался. Они с моим братом, конечно, уже в пути. Отсюда до Сольска полтора часа на машине. Я ведь из Сольска к вам приехала.

Она посмотрела на часы.

– Скоро будут...

Она не договорила. Резкая трель дверного звонка вновь резанула слух, нарушив тишину еще более или менее благополучно спящего дома. Себя я не беру во внимание, увы...

Дверь так же быстро распахнулась, как и в первый раз. Наверное, сегодня у меня не будет другого занятия, как отлетать от собственной двери, принимая непрошенных гостей!

В комнату вошли три человека: двое мужчин и женщина. Тот, что постарше, с изрядной долей седины в коротко стриженных густых волосах, был мужественно красив и подтянут. Несмотря на самые обычные джинсы и футболку, выправка с головой выдавала в нем военного человека. Словом, «настоящий полковник». Только вот в его не по-военному умных серых глазах гнездились усталость и печаль – казалось, навсегда. Второму, очень похожему на Марину – наверное, брат ее, – вряд ли было больше тридцати пяти. Он был тоже хорош собой, но, как я выражаюсь в подобных случаях, явно подонжуанистее «полковника». Я имею в виду тот тип мужиков, которые при любых обстоятельствах стараются понравиться женщинам. Вот и сейчас он первым делом распустил перышки, окинул меня быстрым оценивающим взглядом, отчего в глазах его загорелся огонек интереса. Как будто только затем и ввалился сюда в шесть с хвостиком, чтобы произвести на хозяйку впечатление! Этого второго я сразу обозвала Павлином и переключилась на девушку.

Должна признать: не обратить внимание на эту девушку было невозможно. Видимо, только мое необоримое женское начало заставило меня сначала взглянуть на представителей сильного пола. Девушка – натуральная блондинка примерно моего возраста – была хоть куда. Хоть на обложку журнала – если б не невинный, кроткий взгляд, который на журнальных обложках не слишком уместен. Не знаешь себе цену, детка, не знаешь... Зато Павлин, видимо, прекрасно знал. Вряд ли стоит добавлять, что помимо красивого лица девушка обладала еще и потрясной фигурой и ногами, бьющими прямо по «основному инстинкту».

Белокурый ангелочек заговорил первым.

– Здравствуйте, мы за Мариной Алексеевной! – В мягком голосе девушки слышались нотки тревоги.

Голос у нее тоже был ангельский – нежный и обволакивающий.

– Вы Татьяна Иванова? – Это уже Полковник. – Извините нас, пожалуйста, за беспокойство.

Должно быть, и это мне тоже суждено выслушивать целый день! Не отвечая, я повернулась вполоборота, как регулировщица, руками указывая им дорогу. Проводив непрошенных, но жданных гостей к Марине, я, чтобы не мешать их встрече, поплелась на кухню. Дадут мне сегодня, черт побери, выпить кофе или нет?!

Когда я снова заглянула в комнату, Ангелочек уже всюду трудился. Она как бабочка порхала вокруг первой гостьи. Сделала ей какой-то укол. Мужчины молча наблюдали за ее действиями. Марина тоже не проронила ни слова. Она сразу изменилась, как будто внутри у нее выключили какую-то лампочку. Сейчас это была не та живая, энергичная, пусть даже не в себе, женщина, которая всего несколько минут назад пыталась убедить меня в неслучайной гибели своего сына. Теперь это была просто живая мумия.

– Ветров, Виктор Петрович, – представился мне Полковник. – Я муж Марины Алексеевны.

– Я уже догадалась. Может, вы мне что-нибудь объясните, раз уж я оказалась невольным свидетелем ваших семейных дел?

Он молча кивнул и вслед за мной вышел из комнаты. Павлин и Ангелочек остались рядом с Мариной.

Мы прошли на кухню. Налив две чашки кофе, я молча поставила одну перед гостем.

– Можно я закурю?

Виктор Петрович говорил ровным, хорошо поставленным голосом. Я не только согласилась, но и составила ему компанию. Он затянулся, прислушался, стараясь уловить, что происходит в комнате. Но там было абсолютно тихо.

– Не знаю, что вам успела рассказать Марина. И как она это рассказала... – Он сделал ударение на слове «как», немного помолчал. – Я военный. Командую воинской частью под Сольском.

Ого, да тут не полковником пахнет: бери выше, Татьяна!

– Что случилось с нашей семьей? – будто размышляя сам с собой, продолжал Виктор Петрович. – Словно кто сглазил, хоть я вовсе не верю в эту чушь... Столько лет все у нас было хорошо... Через год уже «серебряную» свадьбу должны были сыграть! Трудностей, конечно, всегда хватало, как же без этого?! Это сейчас мы живем неплохо – я имею в виду материальную сторону. А по молодости, при лейтенантских-то погонах, хлебнули всякого лиха. По частям, по дальним гарнизонам... Но Марина никогда не жаловалась. Растила Сашу и Гелю. Ангелина – наша младшая дочь. Я-то дни и ночи на службе, это благодаря Марине все... На своих плечах вывезла нашу семью. Я все эти годы благодарил судьбу за Марину, Таня. Но только сейчас понял, каким счастливым человеком я был на самом деле!

Он снова замолчал. Видно было, как физически трудно ему от счастливого прошлого перейти в своем рассказе к скорбному финалу.

– А зимой погиб Саша... и все! Все рухнуло в одночасье. Приехали Маринин брат с невестой – они помогли жене чем могли. Я все время в части, на людях. Да и мужик все же, черт побери! С горем сладил. А она сломалась. Не перенесла... Поначалу вроде ничего: казалось, смирилась Марина. Даже имени Саши не произносила. А месяца два назад вдруг стала говорить, что получила от сына письмо, где он якобы косвенно называет своего предполагаемого убийцу. Какого убийцу, господи?! У Саши и врагов-то никогда не было. Понятно: это горе ее добило. Ну и пошло-поехало... Спрашиваю, почему не показывает письмо нам. Молчит. Мне только сказала, что никому не доверяет, что кругом враги, что покажет только «надежном человеку», то есть вам, Таня. Вот, мол, раздобуду адрес и поеду в Тарасов сама... Пришлось спрятать одежду, чтобы никуда не уехала. Но не усмотрели. Особенно Яночка – она по про-

фессии медсестра, – сама решила остаться и ухаживать за Мариной, пока ей станет лучше. Я ей с Алешей очень обязан. Даже свадьбу из-за этого отложили. Хотя какая сейчас свадьба...

Снова наступила пауза. Наверно, он думал о Марине. Я не ошиблась.

– Еще раз спасибо вам за Марину. Я чего боялся? Я боялся, что вы ее не пустите и она куда-нибудь уйдет. Где ж нам тогда ее искать? Да еще эта шуба! Из-за нее с Мариной могли что-нибудь сотворить на улице.

От мысли, что могло случиться что-нибудь дурное, у него потемнело в глазах. А у меня – потеплело на душе. Чтоб прожить более двадцати лет и все еще так любить свою «половину» – не многие мужчины на это способны!

– Володя, друг Саши, сразу позвонил мне, как только высадил ее у вашего дома. Они с Мариночкой так условились, иначе он отказывался везти ее в Тарасов. Но я все равно его отругал – как он мог! Вот встретимся в Сольске, я ему задам...

Володя работает таксистом. Сегодня у него была ночная смена. Он оформил заказ в Тарасов, так что все по закону, не придерешься. Он ей и адрес ваш раздобыл.

«Мне тоже не мешало бы встретиться с этим Володей и намять ему бока», – подумала я. Откуда он выцарапал мой адрес? Среди моих знакомых нет мальчика-таксиста по имени Володя.

– Но самое страшное, – услышала я, – что Марина стала наркоманкой!

– Что?!

– Да. И это главное, почему мы не обращаемся официально в лечебное учреждение. Мое положение. Огласка... А главное – сама Марина. Я не хочу навлекать на нее позор. Единственно, чего не могу понять, – когда и как она стала наркоманкой?! Мой старинный друг – брат Мариночки и ее доктор (между прочим, врач-нарколог) – вместе с Яной пытаются помочь ей. В общем, своих, домашних, медиков хватает. Только вот улучшений пока никаких.

Я не торопилась прерывать вновь наступившее молчание.

Да, многое стало мне понятно после этого рассказа. Горе и наркотики сделали свое страшное дело. И никакие дорогие подарки, самый лучший уход не вернут теперь этой милой женщине разум. Может, оно и к лучшему? Пусть обманывает себя. Пусть получает письма от погибшего сына. Может, ей так легче. А вот другим...

В комнату вошла Яночка – семейный ангел-спаситель. Она что-то тихо сказала на ухо Ветрову. Но он громко ответил: «Хорошо, иду». Дал понять, что при мне уже можно говорить откровенно. Повернулся ко мне:

– Вот и все. Пожалуйста, извините нас, Таня. Я, конечно, должен компенсировать вам причиненный моральный ущерб, ведь вы потратили на нас время...

Виктор Петрович потянулся к карману, должно быть, за бумажником, но я протестующе подняла руку и решительно замотала головой.

– Ну, еще раз извините. Спасибо вам. – Он быстро отвел глаза и так же быстро вышел из комнаты вслед за Яной.

Минуту спустя Марину, уже переодетую в легкий халатик, муж бережно вынес из комнаты на руках. Голова больной покоилась на широком плече супруга: она спала. Яночка шла рядом с упакованной шубкой в руках. Простились мы без слов – одними кивками. Говорить никому не хотелось. Да и что тут скажешь... Я захлопнула за ними дверь – и не смогла подавить вздох облегчения, правда, сильно разбавленного досадой.

Медленно – не знаю зачем – обошла свою квартиру. Ничего здесь не осталось от моих недавних посетителей – разве только слабый запах каких-то медикаментов в комнате. Кроме двух недопитых чашек кофе на кухне, ничто не напоминало о трагедии одной семьи, о существовании которой еще вчера я не имела ни малейшего понятия. О трагедии, невольным свидетелем которой я так неожиданно стала сегодня.

Свидетелем? А может, соучастником?..

Я зло, со всего размаху,хватила кулаком по кухонному столу. Чашки испуганно подскочили с жалобным звоном, и по белому пластику стало медленно расплываться густо-коричневое пятно уже невкусного теплого кофе...

– Нет, Татьяна! Не смей наматывать сопли на кулак! Ты не позволишь себе окончательно испортить этот день, – вслух сказала я себе.

Часы показывали без четверти восемь. Все. В ванную – и спать!

Глава 2

Шум дождя разбудил меня – иначе я проспала бы вечность. На часах было почти два. Голова не болела – уже хорошо! Дождь разрядил атмосферу, да и сон пошел на пользу. Я потянулась с наслаждением и встала.

На кухне взгляд мой споткнулся о лужицу кофе на столе – в сердце неприятно кольнуло. Стараясь не думать о событиях раннего утра, я быстро вытерла со стола и вымыла чашки. Затем не спеша привела себя в порядок и сунула в микроволновку два здоровенных гамбургера – зверски хотелось есть. Хорошая штука – эти запаянные в целлофан гамбургеры! Хранятся в морозильнике хоть месяц, а если хочешь быстро и без хлопот пообедать, на минуту в печку – и готово! Я вынула горячие гамбургеры и с аппетитом перекусила, попутно прикончив открытую утром банку сока.

Несмотря на дождь, который недавно ливнем прошел по городу, в воздухе по-прежнему висела духота. Обед разморил меня, и я вновь бухнулась на диван, раздумывая: чем бы заняться до вечера? В том, что никакие силы сегодня не выгонят меня на улицу, я была уверена на сто процентов. Черт с ним, с турбюро, потерпит. Как-то незаметно вновь мои мысли вернулись к Марине. Сейчас, спустя несколько часов, она уже не казалась мне столь однозначно сумасшедшей. Скорее, меня просто испугало ее экзотическое одеяние. Может, если б не эта злополучная шуба, я по-другому восприняла бы ее появление? Может, из-за этого я упустила что-то важное?..

Что она там говорила про документы? Да, я видела, что это вырезки из газет, но даже не потрудилась прочесть их! Что, если Марина действительно обратила внимание на что-то существенное, выпавшее из поля зрения следствия? Ведь так бывает, мне ли не знать этого! А письмо? Где оно? Напрягая последние работающие извилины, я старалась вспомнить – показывала мне письмо Марина или нет. Но так и не вспомнила.

«Ну вот, начала заниматься самоедством! – заворчала на себя. – Не хватало еще чувствовать себя виноватой – почему не до конца выслушала бред полоумной, к тому же наркоманки!»

Интересно, кто все же посадил ее на иглу? Или она принимает «колеса»? А может, героин? И как давно?

Вопросы, вопросы... Червь сомнений потихонечку вползал в душу. Где-то я дала маху, в этом почти не приходится сомневаться. Но где? Что прошло мимо моего внимания?

Чтобы развеять свои сомнения, я достала заветный мешочек с гадальными костями, которым всегда обращаюсь в трудных случаях. Немного подержала в руке, заряжая своей энергией, и, мысленно сконцентрировавшись на вопросе, бросила кости.

8 + 21 + 25.

Что означает: «Научитесь пропускать мимо ушей необоснованные обвинения».

Уже хорошо! Значит, я обвиняю себя необоснованно. Ладно, еще вопрос... Я вновь поглаживаю кости и бросаю на столик.

1 + 18 + 27.

«Представляются приятные поездки». Все, завтра же позвоню в туристическое агентство и уеду куда угодно – только бы подальше от Тарасова!

Едва лишь я разобралась с ближайшим будущим – мысли вновь вернулись к недавнему прошлому. «Ангел на самом деле вовсе не ангел, а демон...» Что бы это могло значить? Просто – поток больного сознания или?.. Кого имела в виду Марина?

Поняв, что подремать на диване мне не придется, я решила принять ванну. Лежать в теплой пене с запахом лаванды – приятное занятие! Наполнив ванну и добавив душистой пены, я с наслаждением погрузила в нее свое изнуренное жарой тело, предварительно поставив рядом, на туалетную полочку, телефон. Это на тот случай, если кто-то позвонит: я собиралась про-

быть здесь долго. Прикрыв глаза и положив голову на сложенное валиком махровое полотенце, расслабилась и тут же провалилась в дрему.

Видимо, я действительно заснула. Запах цветов кружит голову. На самом краю поля я вижу женщину – она удаляется. Пытаюсь догнать ее, но безуспешно. «Что мне от нее нужно?» – вяло проносится в сознании. Но что-то, видимо, нужно, раз я преследую ее! Неожиданно женщина останавливается и оборачивается: это Марина! Я уже отчетливо вижу лицо, движение губ... Она что-то говорит, а что – непонятно.

«Громче!» – кричу я изо всех сил, но голос тихий, вялый. Запах лаванды заполняет мои легкие, становится трудно дышать...

Лицо Марины начинает надвигаться на меня, увеличиваться – все больше и больше. Оно уже заполнило все пространство поля. Я ничего не вижу, кроме ее лица, вернее губ. Они шепчут: «Помогите! Я уже не смогу, а вы сможете, я знаю... Я верю...»

Видение исчезло так же вдруг, как и появилось. Мое сознание вновь вернулось в действительность, и я открыла глаза. Пена попала в ноздри, и даже во рту ощущалась горечь лаванды. Видимо, наваждение было вызвано именно этим. Но голос Марины! Я слышала его так отчетливо...

Больше не раздумывая, обтерев руку об полотенце, я набрала знакомый номер особого отдела областного УВД.

– Дежурная слушает, – услышала я металлический, безжизненный голос.

И как это они ухитряются выработать такой идиотский тембр?

– Мне добавочный... – я назвала несколько цифр.

– Минутку. – В трубке раздался мелодичный перезвон коммутатора.

– Слушаю! – Теперь голос был живым и очень знакомым.

– Вадим, привет! Это Татьяна Иванова. Узнаешь?

Терпеть не могу, когда меня с кем-то путают по телефону.

– О-о-о! «Татьяна Иванова»... Почему так официально? Я твой голос узнаю из тысячи!

Как поживаешь, Пинкертон в юбке, или в чем ты там сейчас?

Голос все более приобретал игриво-томную интонацию.

– В ванной! – в тон ему ответила я, приняв игру.

– О-о-о! – В трубке раздался призывный стон. – Секс по телефону? Я готов! Уже расслабился...

Я расхохоталась.

– Кончай балагурить, Вадим, у меня к тебе серьезное дело.

– Да-а? Я хорошо помню наше последнее совместное «дело»: нам обоим было очень хорошо, дорогая... Разве не так?

– Вадим! – как можно строже сказала я, стараясь остановить не в меру разгулявшийся темперамент моего старого друга. – Еще одно слово – и я звоню твоей жене!

– Тьфу, весь кайф сломала...

– Прости, но мне сейчас действительно не до этого. Однако, обещаю, как только освобожусь, – с меня чашка кофе!

– Надеюсь, кофе будет в постели? – Он все еще продолжал заигрывать.

– Носков, – прорычала я, – ты можешь быть серьезным?!

– Все, сдаюсь.

– Достань мне одно дельце. Всего на полчаса. Я только посмотрю – и все.

– Что за дело? – тон Вадима сразу стал деловым.

– Записывай: Александр Ветров, семьдесят шестого года рождения, погиб на Кавказе в январе этого года.

– Записал. Куда привезти – может, домой? Вода в ванне еще не остынет?

Я пропустила хохму мимо ушей.

– Через час жду в кафе «Ковбой» на Немецкой.

Он хотел сказать что-то еще, но я быстро положила трубку.

Когда приехала в кафе, он уже ждал меня. Перед ним на столе стояла недопитая чашка кофе и вазочка для мороженого. Вазочка была пуста. Сладстена!

– Привет! – он привстал, галантно поцеловав ручку. При этом его глаза оценивающе прошлись по моей фигуре. Увиденным Вадим остался доволен, потому что физиономия его томно расплылась.

– Ты великолепна! Впрочем, как всегда, – добавил он. – Что будешь пить?

– Давай сразу о деле. Принес?

– Обижаешь! – Он вынул из кейса, стоявшего на соседнем стуле, объемистый пакет, размером чуть больше машинописного листа. – Ведешь новое дело?

– Еще не знаю. Когда вернуть?

– Можешь не возвращать – я снял ксерокопию. Только потом уничтожь.

– Я тебя обожаю!

– А кофе пить со мной не хочешь!

– Давай заказывай.

– Пожалуй, здесь не стоит, – передумал Вадим. – Кофе отвратный, съешь лучше мороженого. – Он позвал официантку и сделал заказ. – Я надеялся, что ты угостишь меня своим. Я ведь знаю, что кофе лучше тебя никто не готовит...

Его ладонь мягко прикрыла мою руку. Я быстро высвободилась. Нельзя давать ему расслабляться – иначе не отвяжется!

– Вот лишат меня лицензии – пойду работать в кафе. Будешь хоть каждый день пить кофе «от Татьяны».

Поняв, что на «чашку кофе» меня не расколоть, Вадим заговорил серьезно:

– Между прочим, чутье тебя не подвело. Дело закрыть поторопились.

– Это интересно! Тогда почему же вы его закрыли?

– А мы его и не открывали. Его вели коллеги из Пятигорска. А нам прислали для ознакомления. На поверхности была очевидность несчастного случая. Показания свидетелей ничего нового не добавили. А копаться никто не хотел. Сборы закончились – спортсмены разъехались по разным городам. Так сказать, за границу. Ну, ты меня понимаешь. Попробуй достань их на Украине или в Прибалтике! Это тебе не Союз Советских Социалистических Республик, где нажал одну кнопку – и вся милиция в ружье. От Москвы до самых до окраин... Сейчас одних разрешений на визу месяц оформлять надо. Но если внимательно прочитать дело, то пробелы чувствуются!

– В чем?

– Так с ходу не скажу, но чую: ты что-то раскопаешь. Интуиция! – Он многозначительно поднял палец. – Я так думаю.

– Спасибо, Вадим. Я рада, что ты так думаешь. Ведь, честно говоря, сама я пока никак не думаю! – И, стараясь ничего не упустить, я рассказала ему об утреннем визите.

На прощание еще раз заявила Вадиму, что обожаю его, и в подтверждение даже чмокнула в щеку, ловко увернувшись от его отнюдь не дружеских объятий. Мне не терпелось открыть поскорее пакет.

– Надеюсь, замуж не собираешься? – уже почти вслед мне крикнул он. – Я этого не выдержу – умру от горя!

– Не страдай – так долго ты сам не проживешь!

Дома, разложив материалы следствия на столе и удобно усевшись в кресле, я углубилась в чтение. По рассказам свидетелей, за день до трагедии к Александру приехала его сестра, чтобы вместе с ним встречать Рождество. Он заказал для нее номер в кемпинге, недалеко от базы горнолыжников. Но что-то при их встрече разладилось. Саша вернулся от сестры расстроен-

ным. На вопросы друзей не отвечал, а когда узнал, что несколько ребят отпросились домой на праздник, то якобы попросил кого-то отправить какое-то письмо с городской почты – так быстрее дойдет. Кто-то видел даже, как он писал что-то, но кому Ветров отдал письмо – никто не знал. На этот факт следствие вообще внимания не обратило. А зря!

Я взяла чистый лист бумаги и вывела первую строчку: «Письмо». И поставила жирный вопросительный знак. Значит, письмо все же было. Но то ли самое, что получила Марина? И почему она получила его через три месяца после смерти сына?!

Один из свидетелей подзывал Сашу к телефону. Ветрову звонила девушка. Сестра или нет – этого никто не знал. Александр ничего не объяснил. А ближе к вечеру куда-то заторопился. Сказал, чтоб его не ждали, что они с сестрой придут прямо в бар, где договорились вместе отмечать Рождество. И ушел. Больше его никто не видел. Имеется в виду – живым...

Правда, были показания еще одного свидетеля, который видел, как поздно вечером под Рождество к канатке поднималась пара. Лиц он не разглядел, но по одежде парня можно было предположить, что это был именно Саша Ветров.

Еще один свидетель видел, как мужчина сорвал вдруг с девушки шапочку и по плечам ее рассыпались черные волосы...

По словам Ангелины Ветровой, она весь вечер прождала брата в кемпинге и, не дождав-шись, обиженная, легла спать. Она тоже заметила, что Саша был в тот вечер чем-то расстроен, но причины не знала. Да, брат действительно водил ее к фуникулеру, но это было днем, сразу после приезда. Решили, что свидетель ошибся или что видел он не погибшего.

Значит, Ангелиночка была тогда у брата. Интересно, какие у нее волосы: темные, как у матери, или светлые, как у отца?.. Судя по протоколам, алиби у нее нет. Интересно, интересно...

Я взяла свой лист и вывела вторую строчку: «Ангелина – алиби не имеет!» Подчеркнула жирной чертой.

Конечно, кощунство – подозревать в убийстве брата родную сестру, но – чем черт не шутит! Писали же недавно газеты, как внук убил родную бабушку только за то, что она не дала денег на наркоту. Жуть! Но факт остается фактом. Так что не будем пока выводить сестренку из числа подозреваемых.

Из оставшихся материалов интерес представляли лишь показания сторожа канатки. Он клялся и божился, что отключил пульт и опечатал его, как требовала того техника безопасности. Когда вернулся назад, канатка по-прежнему была отключена, пломбы – в целости. Как парень попал в кабину фуникулера – сторож понятия не имел. Кабина, в которой находился Саша, была недалеко от платформы – четвертая по счету. Расстояние между кабинками – не более трех метров...

Почему же Ветров не добрался до платформы по канату? Это осталось загадкой для всех, в том числе и для Сашиних друзей. Судя по их показаниям, погибший, да и многие другие ребята не раз проделывали этот путь по канату – просто так, ради остроты ощущений. К тому же, по общему признанию, трусом Саша Ветров не был никогда. Как же вышло, что он спасовал в тот раз?

Этот важнейший вопрос следствие оставило без ответа. Зато я, внимательно изучая его материалы, кажется, нашла этот ответ!

Рассматривая ксерокопии приобщенных к делу снимков – не слишком четкие, но все же позволяющие разглядеть детали, – я вдруг замерла над фотографией трупа в кабинке фуникулера. Странно... Более чем странно!

Окоченевшее тело Саши было слегка откинута назад, руки спокойно лежали на скамейке; одна нога была вытянута, другая согнута в колене. На голове спортивная шапочка-петушок, воротник куртки опущен...

Мои последние сомнения рассеялись как дым!

Когда человеку холодно, что он делает в первую очередь? Ответ очевиден – пытается согреться! А значит, высоко поднимает воротник своей теплой куртки, надвинет шапочку на глаза и, конечно, засунет руки поглубже в карманы. Съежится, в конце концов! А поза Саши говорила, что ему вовсе не холодно. Он даже откинул голову, как будто хотел позагорать. Ночью, в мороз?!!

Нет! Парню вовсе не было холодно на фуникулере. А не холодно в морозную ночь могло быть только трупу! Следовательно, на фуникулер Саша попал уже мертвым. Или, по крайней мере, в бессознательном состоянии.

Пролистав оставшиеся документы, больше ничего интересного для себя я не нашла. Вскрытие, по просьбе родителей, не проводили. Видимых следов насилия на трупе не обнаружили, поэтому пошли им навстречу. Несчастный случай: Александр Ветров погиб по своей неосторожности. Дело закрыто за отсутствием состава преступления.

Я дочитала заключение до точки.

Ну нет. Как раз точку ставить рановато. Слишком много остается вопросов. Пожалуй, больше, чем ответов. Но это – пока! Потому что я собираюсь дать ответы на все вопросы.

Надо ехать в Сольск, найти Марину. Что она говорила про «родного человечка»? Да, выяснить предстоит многое. А начать надо с дочери. Не знаю, как там дальше пойдет, но сейчас Ангелиночка Ветрова вырисовывается у меня главным свидетелем и подозреваемым одновременно. Вот вам и «родной человечек» – роднее не сыскать! Ничего складывается ситуация...

Я почувствовала себя борзой, взявшей след...

Глава 3

В Сольске я не была давно, но очень хорошо знала этот провинциальный городок на живописном берегу Волги. В нем прошли мои самые счастливые дни «розовой» поры.

У моих родителей никогда не болела голова – куда отправить свое чадо после наступления летних каникул. Конечно, в Сольск! Вместе со своей двоюродной теткой Люськой, которая всего-то на тринадцать лет была меня старше, я постигала там азы свободы и независимости... Мы бродили с ней по песчаному пляжу, бегали в санаторий на танцы, хотя детей туда не пускали. Люська знала всех и вся, и ее тоже знали везде, поэтому проблем не возникало.

У меня на глазах развивался и ее роман с Митей, будущим мужем. Когда здоровый светловолосый парень в форме речного флота впервые появился на танцплощадке, мы уже все о нем знали. Выпускник Астраханского речного техникума, он был назначен помощником капитана на один из «омиков». «Помощник капитана» – это звучало так романтично, что мы (я имею в виду всех незамужних девчонок в округе, включая и меня, малолетку), еще не видя его, влюбились. Он вовсе не был красавчиком, но от него веяло какой-то спокойной силой, перед которой женщины не в силах устоять.

Люська сразу перешла в наступление. Со словами: «По-моему, объявили белый танец, я вас приглашаю», – она смело подошла к застенчивому гиганту, не дожидаясь, пока его из-под носа уведут другие девчонки. Он робко взял ее за талию, и они медленно вошли в круг танцующих пар...

Больше он ее уже не отпускал. Они забыли даже про меня. Но я им это простила и тихо следовала за ними до самого дома. Хоть и была еще относительно мала, но сообразила, что мешать им сейчас нельзя.

Короче, то была любовь с первого взгляда. Может, поэтому я так до сих пор и не вышла замуж. Вот не было у меня в жизни такого «белого танца»!

Плодом этой романтической любви стал Гоша – Григорий Дмитриевич, который, как и следовало «плоду любви», взял от своих родителей все самое лучшее. Высокий, русоволосый и спокойный, как отец, он унаследовал от матери ее красивые карие глаза, брови вразлет и обаятельную, очень располагающую улыбку. Вначале, когда Гоша только родился, я испытывала к нему ревность. Но потом, очарованная им, не могла дождаться каникул, чтобы познакомиться. На моих глазах, да и на руках тоже, он, можно сказать, и вырос.

Сейчас Григорий учится в МГУ на юрфаке. Мечтает, как его тетка, то есть я, стать сыщиком. Горжусь, что стала для него тем, кем в свое время была для меня его мать – идолом! И ни при каких обстоятельствах не хочу терять свой авторитет перед племянником.

После открытия «железного занавеса» стало очень модным среди вузов обмениваться студентами. Гоша попал в группу, которая на год выехала в Германию. Так что одни каникулы он пропустил, и мать не видела его два года. Люся очень переживала, тратила огромные деньги на звонки в далекий немецкий город Дрезден, но, конечно, гордилась сыном.

Я набрала код и номер Люсиного телефона в Сольске. Трубку долго не брали. Наконец, когда я хотела уже дать отбой, – что-то щелкнуло, и недовольный Люськин голос произнес: «Да?!»

Тон этого «да» был так не похож на мою Люсю, что я смешалась.

– Люся! Это я, Татьяна!

– Танюша, милая, как хорошо, что ты позвонила! Я сама весь день собиралась это сделать, да так и не смогла. Ты просто умница!

Голос ее совсем мне не нравился.

– Выкладывай, что случилось!

– Ничего, ничего, что ты... Гоша завтра утром из Москвы приезжает. «Девяткой». Митя должен был встретить его, да у нас машина сломалась. Поэтому я хотела попросить тебя, чтоб ты его встретила и приютила у себя на денек. А послезавтра Митя за ним приедет...

В голосе Люси, моей честной, правдивой Люси слышалась откровенная фальшь. Не видеть сына два года и не приехать из-за какой-то паршивой машины!.. Я очень хорошо знала Люсю и Митю: они пешком пришли бы из Сольска встретить сына. Что-то тут не так!

– Люся, слушай меня! Кончай мне на уши лагман вешать, понятно? Говори: что с Митей?!

– Не волнуйся, с Митей все нормально. Со мной тоже. Вот только... В общем, умерла Гошина любимая учительница. Она болела, что-то с сердцем... Завтра хоронят. Я и не хотела, чтобы Гоша как раз на похороны приехал. Пусть уж после... Не хочу, чтобы видел ее в гробу. Мне кажется, так легче будет и ему, и мне. – Она перевела дух. – А у тебя все в порядке? Переживаешь тут за вас за всех, а вы даже не позвоните лишний разок...

Люська всхлипнула.

– Ну-ну, успокойся. Так бы сразу и сказала. А то врешь... Кому врешь?! Я тебя с первого слова раскусила. Ты только не плачь, Люся! Знаешь, зачем я звоню? Я сама собираюсь к вам в Сольск! На недельку, а может, и больше.

– Правда? – Люська перестала всхлипывать. – Вот это двойной подарок – Гоша и ты! Как я соскучилась, господи!

В самом деле: какие мы все же бездушные гады! Забываем, что заставляем переживать и страдать ближнего просто так: из-за лени лишний раз позвонить, написать письмо или открытку. Хоть два слова: мол, живы, здоровы – и все! Любящим нас людям не так уж много и надо. Вот и сейчас: позвонила только потому, что мне понадобилось по делу съездить в Сольск. А ведь звонок-то занял всего минуты три-четыре!

– Ладно, Люсек! Прости меня. Я тебя и Митю очень люблю! Все сделаю, как ты просишь. Ты права – не стоит сразу портить парню настроение. Встречу как полагается. А приезжать не надо, сама привезу. Моя машина пока на ходу. Как-нибудь до Сольска дотянем!

– Спасибо тебе, Таточка! Если б ты знала, как я хочу вас с Гошей поскорее увидеть. Но потерплю.

– Ну все, Люсек, целую! Пока! Не переживай там особо – береги себя.

– Не забудь: поезд номер девять, вагон четырнадцатый. Целую! Жду вас обоих с нетерпением!

Я еще немного послушала гудки и положила трубку.

* * *

«Девятка» подкатила к перрону, на удивление, точно по расписанию. Через пару минут племянничек уже кружил меня на руках.

– Отпусти, черт! – Я задыхалась от хохота. – Дай мне посмотреть на тебя! Господи, какой здоровый стал! Красавец мужчина!

Наши действия уже привлекли внимание пассажиров.

– Гошка, веди себя прилично! Я все же твоя тетка.

– Классная тетка! Ты совсем не постарела. А где родители?

– Они не смогли приехать – машина сломалась.

Я, конечно, ждала этого вопроса и соврала, не моргнув глазом.

– С ними все в порядке?

Я спокойно выдержала его взгляд.

– Дело в том, что я тоже с тобой в Сольск поеду. Поэтому и решили зря не гонять машину.

– Здорово! – Гошка вновь попытался схватить меня на руки. – Значит, ты поедешь к нам? Вместе отдыхать будем? А мать мне говорила, что ты теперь в отпуск только за границу едешь! Значит, хорошие бабки зарабатываешь?

– Не жалуясь. Клиентов пока хватает. Я ведь считаюсь неплохим детективом, сынок!
Боже, я начала хвастаться перед Гошкой. Надо же!

Так – ни о чем – мы проболтали всю дорогу до дома. Отправив Гошку в ванную, я принялась готовить для нас завтрак, размышляя, чем бы занять парня целый день. И, главное, как объяснить ему, почему мы не поедem домой прямо сегодня.

Взгляд упал на бар, и меня осенило. Я быстро достала бутылку хорошего сухого вина и откупорила ее.

Сделав несколько глотков, я успокоилась. Вино сразу подняло настроение. Достав дорожную сумку, стала собирать вещи. Только самое необходимое. Главное – не забыть два фирменных купальника, купленных в валютном магазине. Я мысленно представила себя в них – и осталась довольна. Когда я пройду в бикини по пляжу рядом с плечистым красавцем племянником – это будет фурор среди местных девиц. Или фузор? Или фураж?? Пусть думают, что я прогуливаюсь с «бойфрендом», и дохнут от зависти!

Поймав себя на этой мысли, ухмыльнулась: «Господи, Татьяна, неужели стареешь, что пытаешься искусственно украсить себя „бойфрендами“?! Не слишком ли ты самокритична?»

Я игриво подмигнула своему отражению в зеркале.

С минуту постояв над раскрытой сумкой с уже уложенными вещами, я добавила туда пакет с материалами дела Александра Ветрова и замшевый мешочек с гадальными костями – без них никуда!

День пролетел так незаметно, что я даже удивилась. Только-только позавтракали – я объяснила племяншу, что не могу сесть за руль по причине пьянства, – как позвонила Люся. Она разрыдалась в трубку, Гоша подумал, что это он, блудный сын, является причиной слез, и стал ее успокаивать. Наверное, так оно и было.

Завтрак плавно перешел в обед, а наш оживленный разговор – в не менее оживленный монолог. С интересом, в котором была изрядная доля почти материнской гордости, я слушала Гошкины рассказы о Германии, о его участии в работе спецкомиссии Интерпола. Кажется, мой племянничек собирался стать птицей высокого полета – ловить международных преступников. Что ж, ему и карты в руки: отлично владеет немецким и английским, самостоятельно начал изучать французский... В общем, Гошка у нас – голова! Далеко пойдет.

– Понимаешь, Татьяна, мы живем во времена тяжелейшего всемирного коллапса – политического, экономического, нравственного! Мафия не знает границ, поэтому правоохранительные органы всех стран должны объединяться против преступных синдикатов: другого выхода у нас просто нет!

Да уж... Это тебе, Таня, не твои «клиенты» – мелкое жулье. Другой масштаб! Переплюнет, ох, переплюнет племянничек тетку... Ну да я не в обиде.

– Ладно, борец с синдикатами, давай-ка укладываться: времени – почти одиннадцать. Завтра выедем пораньше. Постелю тебе здесь, на диване.

... Не однажды за этот вечер я порывалась перевести беседу с мировых проблем на житейское бытие Гошкиной «малой родины». Чем черт не шутит: а вдруг он знает Ветровых, городок-то небольшой, все на виду... Но на прямой вопрос почему-то не решилась. У Гошки была такая счастливая, я бы даже сказала – одухотворенная физиономия, когда он рассказывал о своей работе, что я не рискнула портить ему настроение.

* * *

Субботним утром мы выехали, как и планировали, пораньше. Однако мне быстро пришлось расстаться с надеждой добраться до Сольска по холодку. Если, конечно, «холодком» можно назвать двадцать пять градусов в тени в шесть утра! Не одна я оказалась такой умной! Пристроившись в хвост побитому «жигуленку», я стала терпеливо ждать, когда наконец кончатся дачные поселки и поток разнокалиберных транспортных средств на дороге станет пореже. Уф, а еще жалуются, что мы плохо живем...

Слава богу, чем дальше мы удалялись от города, тем меньше становилось помех. Вскоре я уже смогла гнать не меньше восьмидесяти в час. Почувствовала себя в своей стихии и успокоилась. Гошка посапывал у меня за спиной, закинув ноги на заднюю панель. Так что никто не мешал мне сосредоточиться на главной цели поездки. Как разыскать Ветровых – разберусь на месте, не проблема. Там же и решу, посвящать в это дело Гошу или нет. Пусть парень пока отдохнет, пообщается с родителями и друзьями детства. Мне же не терпелось увидеть Марину, познакомиться с ее дочерью. Виновна Ангелина или нет, но ведь она была единственной из родственников, кто виделся с Сашей непосредственно перед его гибелью!

Уже остался позади славный лиственный лесок, пошли поля – значит, скоро покажутся окраинные домишки старого доброго Сольска. Перед самым городом дорога резко берет вправо, и вдруг вы оказываетесь словно посередине большой поляны цветов! Так замечательно сольчане обустроили въезд в свой город, разбив по обе стороны дороги клумбы. Вон и пост ГАИ, которому, думается, не в последнюю очередь цветочки обязаны своей сохранностью. А метрах в пятидесяти за ним, влево уходит едва заметный проселок, по которому местные жители провозажают в последний путь своих близких: он ведет к городскому кладбищу.

Что за черт? Гаишник жезлом показал на обочину, где уже загорали несколько машин. Я съехала, ожидая, когда он подойдет, но он продолжал останавливать другие автомобили, следующие в город, и не вдавался в объяснения.

Я вышла из машины, собираясь устроить маленький скандалчик, но тут сама увидела причину: дорога впереди была занята какой-то многолюдной процессией. Что это еще за демонстрация? О боже...

«Дежа вю» – где я все это видела?.. Ну конечно, в своем мимолетном сне в лавандовой ванне! Поле цветов – и лицо Марины... Несомненно, это ее лицо. Такое же огромное, как во сне, но гораздо красивее, потому что сейчас на нем не было печати страданий, ее губы не молили о помощи. Сейчас это лицо было просто добрым и счастливым.

– Марина Алексеевна! – услышала я сдавленный возглас племянника.

Бледный, Гоша стоял за моей спиной и широко раскрытыми глазами смотрел на огромный портрет в траурной рамке. За портретом скользил обитый красным грузовик с гробом, утопающим в цветах и венках...

Ну вот и встретились, Марина.

Глава 4

Жара не отпускала меня и в Сольске. На небе как будто собирался дождь, но тучи прошли стороной. Опять нестерпимо сияет солнце, и только легкий ветерок пытается убедить меня, что не так уж все плохо.

На самом деле – все плохо! Хуже некуда... Я лежу под тентом на пляже, почти у самой воды, и пытаюсь привести в порядок свои одолеваемые хандрой мысли.

Итак, Марина умерла, а Гоша все-таки попал на похороны своей учительницы. Причем самым нелепым образом. Я вспомнила сцену у поста ГАИ, и меня передернуло. Бедный Гошка! Наверное, мы с ним выглядели бы полными идиотами, если б не Люся. Она быстро отделилась от скорбной процессии и подбежала к нам. Без лишних слов потянула с собой сына, а мне сунула ключи от дома, велев дожидаться их там.

Но у меня сейчас не было никакого желания сидеть одной. Еще, чего доброго, разревусь как последняя дура... Бросив машину во дворе, я поплелась к Волге – поближе к народу. Кроме того, у воды всегда лучше думается. Только вот мысли у меня были сейчас такие, что думать и вовсе не хотелось. Как теперь объяснить Гошке, что, зная о смерти его учительницы, я целый день болтала с ним о ерунде, разрабатывала план совместного отдыха и так далее?! Отдохнули, ничего не скажешь...

Взглянув на часы, я только-только успела подумать, что похороны, должно быть, уже закончились, как у моих ног легла длинная тень.

– Привет.

Начало неплохое: значит, не считает меня врагом народа.

– Привет. Все... закончилось? – я не сразу нашла подходящее слово.

Вместо ответа Гоша молча шлепнулся прямо на песок, стал черпать его пригоршнями и рассеивать по ветру, нисколько не заботясь о том, что может попасть кому-нибудь в глаза. Я решительно поймала его руку с очередной порцией песка и заглянула в лицо.

– Расскажи.

– Что рассказывать? Похоронили...

Когда он выдавил наконец из себя это слово, в горле у него что-то булькнуло, он закашлялся, пытаясь проглотить подступивший ком, но ничего из этого не выходило...

– Гошка! Гошка...

Я встала на колени, прижала его голову к груди. Широкие плечи беззвучно сотрясались.

– Ну-ну, поплачь! Это твоя первая большая потеря. Ты не готов еще, но пройдет время, и...

– Перестань ты... К этому нельзя привыкнуть! – Он пытался высвободиться.

– Ошибаешься. – Я продолжала удерживать его одной рукой, а другой гладила по голове, как маленького ребенка. – Ошибаешься! Конечно, привыкнуть нельзя, да и не нужно. Но готовым быть – надо. Такова жизнь... Вчера ты был ребенком, сегодня – стал взрослым.. Вчера все близкие и любимые были для тебя бессмертны. Теперь ты знаешь, что это не так. А если знаешь, то будешь готов к тому, что в любое время смерть может разлучить вас...

Черт, как же трудно оказалось мне найти в своем заматерелом лексиконе слова добра и мудрости! Но я чувствовала, как это ему сейчас необходимо. И говорила долго, сама себе удивляясь. Постепенно Гоша затих, затем осторожно высвободился из моих объятий. Молча разделся и бросился в воду.

Он плыл долго, не останавливаясь. Уже остались позади буйки, а он все мерил Волгу размашистыми саженьями... Я стояла на цыпочках, держа руку над козырьком, – старалась не выпускать из поля зрения его вихрастую голову. Как будто, случись что, – мой взгляд мог ему чем-то помочь! Плыл Гоша ровно, красиво – настоящий волгарь. Наконец остановился

и перевернулся на спину. Отдыхает – поняла я. И лишь когда племянник так же уверенно тронулся в обратный путь – я вздохнула с облегчением...

На берег Гошка вышел не усталый, но успокоенный. От слез не осталось и следа. Повесив на плечи полотенце, опустился на лежак рядом со мной.

– Теперь их двое осталось – Виктор Петрович и Ангелина. – Гоша говорил почти нормальным тоном, но глядел куда-то в сторону. – Виктор Петрович очень изменился. Дочка тоже. Правда, я ее плохо знал: она училась в Тарасове в специальной музыкальной школе при консерватории. А потом вообще два года не видел... Вот Сашу я хорошо помню. Он в нашей школе учился, на два класса старше. Слаломом занимался, говорят, классным был спортсменом... А погиб нелепо... Кстати, после его смерти мне Володька написал, адрес твой просил. Я же всегда перед пацанами хвалился тобой. Вот он и хотел привлечь тебя к этому делу: вроде Саша не сам погиб, а кто-то «помог». Это правда? Они к тебе обращались?

– Так, стало быть, это ты дал им мой адрес? Марина не сказала мне этого.

– Почему? Ведь это же не секрет.

– Не знаю почему. Может, потом все прояснилось бы...

Я припомнила нашу первую – сразу не заладившуюся – встречу с Мариной Ветровой. Разве могла тогда она сказать вообще что-нибудь разумное, когда я все время затыкала ей рот и намекала на ее психическое состояние! Да, хваленое чутье в тот раз подвело меня. Но Гошке об этом знать вовсе не обязательно.

– Ангелина во всем черном. – Мысли Гоши вновь вернулись к девушке. – И лицо такое... Я ей «здрасьте», а она смотрит на меня и не видит. Мама сказала, что это из-за нее не хоронили вчера. Ей плохо было, почти весь день пролежала без сознания. Да и сегодня, на кладбище, тоже... Тата, мне даже страшно представить, что и мои старики могут...

Он не договорил, только сплюнул три раза через левое плечо.

– Смотри-ка, будущая гроза международной мафии – а суеверен, как старая бабка!

Я шутливо шлепнула его полотенцем по плечу. Но Гоша не принял этой неуклюжей попытки разрядить обстановку. По-моему, он даже не слышал моих слов.

– Ну что – пошли домой? Мать, наверное, все глаза проглядела.

За ужином все старательно обходили печальную тему дня. И все же прошел он в обстановке, мало чем отличающейся от поминок. Таким ли все мы представляли себе долгожданное возвращение блудного сына...

Уже допивали чай, когда – наконец-то! – разразилась гроза. Дождь то утихал, то вновь усиливался. Идти было некуда, да и незачем. Разговаривать тоже не хотелось. Утомленные переживаниями и недосыпом, хозяева не настаивали на общении в семейном кругу, и мы разбрелись по своим комнатам.

Моя комната «принадлежала» мне еще со времен детства. Окно в ней было большое, как на веранде, и состояло из множества стеклянных треугольничков и ромбов. Это придавало помещению сказочный, «теремковый» вид. В детстве я верила, что именно в таких комнатах и происходят чудеса. Сказку дополнял огромный куст сирени, росший прямо под окном. Сколько ему было лет – никто не знал, посадили его еще Люсины родители. Его периодически подрезали, окапывали, обновляли, и – в благодарность за это – он каждый год дарил своим хозяевам охапки цветов.

Я раздвинула кружевные шторы, которыми Люся обожает украшать окна в своем доме, открыла одну створку и погрузилась в волшебные воспоминания детства. Уличный фонарь освещал густые заросли сирени неверным светом, подчеркивая ощущение таинственности. Шум дождя и шорох ветвей – что может быть чудеснее этих звуков?..

Немного постояв у окна, я устроилась на диване так, чтобы продолжать видеть и дождь, и сирень, и мерцающий свет фонаря, и стала молча сочинять свою сказку. Господи, как же давно я этим не занималась!

Должно быть, я заснула. Мне снилась Марина. Она стояла под окном, и дождь заливал ей лицо, стекал по мокрым волосам... Мы молча смотрели друг на друга. Затем она подняла руку и тихонько постучала в ставень...

Я вздрогнула и открыла глаза. Марина по-прежнему смотрела на меня: сон продолжал сниться мне наяву! Чертыхнувшись, я свалилась с дивана и одним прыжком оказалась у окна. За ним под проливным дождем стояла девушка, как две капли воды похожая на Марину Ветрову, мою несостоявшуюся клиентку. Одним рывком я втащила ее в комнату. До сих пор не понимаю, как мне это удалось. И главное – зачем?

Несколько секунд мы обалдело смотрели друг на друга. Она первая разомкнула дрожащие губы:

– Это... дом Скворцовых?

Учитывая ситуацию, трудно представить себе более глупый вопрос. Интересно, что она сделала бы, ответь я отрицательно? Полезла бы снова в окно?!

– Вы не ошиблись, Ангелина! Ведь так вас зовут? Но вы прекрасно знаете, куда пришли. И к кому пришли, тоже знаете, не так ли?

– Я... нет...

– Так что же вам нужно здесь в такой час, детка? И почему, кстати, нельзя было воспользоваться более привычным способом – входной дверью со звонком?

Она могла возразить, что именно я не дала ей воспользоваться дверью, и была бы права. Но, видимо, этот взъерошенный воробышек уже просто не в состоянии был возражать. Девочку окончательно добил мой прием. Голос ее дрожал, как и губы, огромные глаза были полны не то дождя, не то слез.

– Я... не хотела всех будить. И потом... Никто не должен знать, что я была здесь. Я понимаю, что поздно, но... Умоляю, выслушайте меня!

Последние слова были сказаны с таким надрывом, что моя непреступная оборона дрогнула. Я вспомнила, что сегодня эта девочка похоронила мать. Мать, которую я несколько дней назад тоже чуть было не выставила из своего дома, а теперь горько каюсь!

– Хорошо. Что же вы хотите мне сказать?

– Спасибо... – Она перевела дыхание, подступила поближе. – После того, как маму привезли из Тарасова, мне всего несколько минут удалось побыть с ней наедине. Она успела сказать мне, что почти уговорила вас разыскать убийцу Саши, но ей помешали. И что теперь у нее есть неопровержимые доказательства. Но какие – она не сказала, чтобы не подвергать меня опасности: она боялась, что нас подслушивают. И если я буду много знать, то и меня убьют, как и ее.

– Она думала, что ее собираются убить?

– Да, она мне так и сказала. Плакала очень... Жалела, что не убедила вас. Просила сказать, что теперь она уверена в своих догадках и у нее есть доказательства... Потом маме становилось все хуже и хуже, и больше живой ее никто не видел. Нет, еще Ольга Петровна с ней поговорила.

– Кто такая Ольга Петровна?

– Мамина подруга. Они когда-то работали вместе, потом та уехала в другой город, по моему, в Ленинград, к сыну. Этим летом приезжала в Сольск к родственникам. Перед отъездом пришла попрощаться. Яна ее тоже не хотела впускать, но Ольга Петровна всех смела с дороги. Мама всегда называла ее «гренадершей». Но она пробыла у мамы недолго. Мама подарила ей на память какую-то книгу на немецком, очень редкую. Ольга Петровна тоже преподаватель немецкого языка, как и мама... Ушла она заплаканная.

– Вы не знаете, о чем они говорили?

– Нет, не знаю. При их разговоре никого не было. Даже Яны. Яна расстроилась – она никогда не оставляла маму одну с посторонними, боялась приступов безумия.

– А что, такое случилось?

– Вообще-то да, – Геля отвечала явно неохотно, – но только один раз. Когда из комнаты хотели вынести шубку. Мама схватила ее и стала кричать, что ее грабят. И еще говорила, что... что к ней по ночам приходит ангел, который обыскивает ее комнату и ворует вещи. Что этот ангел очень злой и что именно он убил Сашу. А теперь и ее убить хочет...

Опять этот странный «ангел»! Если бы я не слышала про него сама от Марины, подумала бы, что девчонка мне мозги пудрит. Но, похоже, она говорит правду. Но – всю ли правду? И – только ли правду?.. Уж мне ли не знать, что искренность, да и любые другие чувства, с успехом можно симулировать – все зависит от степени таланта. И что самые мерзкие двуногие твари могут порой иметь самые симпатичные мордашки!

Нет, пожалуй, Ангелину Ветрову надо отложить на потом. Уж больно неожиданно она свалилась на меня – прямо с грозового неба!

– Милая девушка, послушайте меня...

Спугнуть ее тоже нельзя: она мне еще пригодится. Так что поласковой с ней, Татьяна!

– У вас недавно погиб брат, а теперь умерла мама. Это, конечно, большое потрясение. Ваша мама была нездорова, ее мучили... мысли о насильственной смерти. – Я чуть было не сказала «навязчивые идеи». – Вполне возможно, что и вас она убедила в этом. Вам надо успокоиться. Мы еще, конечно, поговорим – в более удобное время. Но сейчас, пожалуй, вам лучше пойти домой, пока вас не хватились. Может, потом вы и сами...

– Вы мне не верите, – прервала она меня, и это прозвучало скорее утверждением, чем вопросом.

– Нет, отчего же, но я...

– Не верите. Ну что ж...

Девушка обреченно повернулась к окну – видимо, желая покинуть дом тем же путем, каким в него и попала. У нее был вид человека, который честно исполнил свой долг, хотя изначально не верил в успех.

– А я – верю!

С этими словами в мою комнату решительно вторгся Григорий Дмитриевич с большой махровой простыней в руках. Должно быть, наш разговор он слушал уже давно, раз успел даже сбегать за банной принадлежностью. Так же решительно подошел к Ангелине, закутал ее с ног до шеи, слегка промокнул и, взяв за плечи, усадил в кресло. Действия нового персонажа сопровождалось только шумом дождя: обе героини стояли с открытыми ртами.

Вот уж не думала дожить до того, чтобы мой племянничек устыдил свою «классную тетку»! Только сейчас я сообразила, что девчонка битых полчаса стояла передо мной совершенно мокрая: на полу возле ее ног образовалась лужица. У нее зуб на зуб не попадает, а я ей – «не верю!»... Тоже мне Станиславский!

Девушка смотрела на Гошу словно на луч света в темном царстве. Почувствовав его поддержку, она позволила себе наконец расслабиться и горько разрыдалась. Не желая уступать племяннику в человечности, я бросилась на кухню – за горячим чаем. На мое счастье, у Мити есть привычка заваривать его в термосе с вечера: на работу он уходит ни свет ни заря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.